

КОММУНИКАТИВНАЯ ТРАКТОВКА ДИСКУРСА В ПОСТМАРКСИЗМЕ Ю. ХАБЕРМАСА

Н. Г. Севостьянова

Минский государственный лингвистический университет,
кафедра философии и логики,
ул. Захарова 21, 220034, Минск, Республика Беларусь
e-mail: n-sevastianova@mail.ru

Рассматривается новационная трактовка дискурса как коммуникативного действия с целью достижения взаимопонимания и согласия; как конструктивного диалога и механизмов его необходимой рационализации с целью избежания социальных конфликтов и сохранения традиции, солидарности, личностной идентичности.

Ключевые слова: постмарксизм; система; жизненный мир; коммуникативное действие; коммуникативная рациональность; дискурс; моральное сознание; этика дискурса; язык; понимание; согласие; диалог.

COMMUNICATIVE INTERPRETATION OF DISCOURSE IN THE POST-MARXISM OF J. HABERMAS

N. G. Sevostyanova

Minsk State Linguistic University,
Department of Philosophy and Logic,
st. Zakhharova 21, 220034, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: n-sevastianova@mail.ru

An innovative interpretation of discourse as a communicative action with the aim of achieving mutual understanding and agreement is considered; as a constructive dialogue and the mechanisms of its necessary rationalization with the aim of avoiding social conflicts and preserving tradition, solidarity, and personal identity.

Keywords: post-marxism; the system; the vital world; the communicative action; communicative rationality; discourse; moral consciousness; ethics of discourse; language; understanding; agreement; dialogue.

Марксизм – система экономических, философских, политических воззрений, возникшая в середине XIX в., прошедшая в своем развитии классический, европейский, ленинский, советский, постсоветский, западноевропейский (неомарксизм и постмарксизм) этапы – сохраняет уникальный потенциал самообновления в новых конкретно-исторических условиях, а в наши дни переживает новый взлет популярности в связи с нарастающей волной мирового экономического, политического и аксиологического кризиса. Карл Маркс (1818–1883), 200-летие рождения которого отмечает мировое научное сообщество, – один из наиболее влиятельных мыслителей всех времен и народов [2]. Его совместная с Фридрихом Энгельсом (1820–1895) деятельность оказала радикальное влияние на социально-экономические и культурно-политические события в

России и Восточной Европе в XX в., на ход мировой истории. К. Марксом и Ф. Энгельсом были переосмыслены предмет и метод *философии* в плане их практической переориентации; разработаны материалистическая диалектика как теория развития и метод познания, теория материалистического понимания истории, концепция человека как субъекта истории и т.д. Теоретическое содержание и мировоззренческое ядро марксизма и философии марксизма неоднократно переосвящались, критически переосмысливались, дополнялись, выступая «самокритикой самого Запада, критикой его собственных тенденций, ведущих к усилению отчуждения, «дегуманизации» и тому подобным феноменам» [1, с. 170].

Одним из таких пересмотров выступает теория коммуникативного действия постмарксиста Юргена Хабермаса (р. 1929) – представителя «второго поколения» теоретиков Франкфуртской школы, идеолога Штарнбергской группы философов. *Постмарксизм* – идейное течение западноевропейской интеллектуальной культуры, в том числе философии, второй половины XX в., основанное на критическом анализе ключевых положений марксизма. Ю. Хабермас характеризует свою концепцию как «бескомпромиссный ревизионизм», «постметафизику», которая, наряду с аналитической философией, структурализмом, феноменологией, герменевтикой является одним из основных направлений современной западной философии. Разрабатывает критическую теорию общества, системы и жизненного мира, процессуальную (фаллибилизм) и коммуникативную рациональность, этику дискурса как метод современной философии.

Дискурс – многозначный научный термин, употребляемый в следующих основных значениях: механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь; связный текст; текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; устно-разговорная форма речи; диалог; речь как коммуникативное действие и механизм его осознания. По Ю. Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия. Демократия, которую ученый называет «волшебным словом» своей философии, должна быть объединена с нравственностью, а этика нового типа – с философией и политикой.

Коммуникативная трактовка дискурса выполнена Ю. Хабермасом в *теории и методологии коммуникативного действия*, которая ориентирует на изучение общества как взаимодействия «системы» (государство) и «жизненного мира» (культура, общество, личность). Так преодолевается оппозиция социального универсализма (К. Маркс) и социального индивидуализма (М. Вебер). Реконструктивные (социальные) науки, понимающие науки (о духе) и этика дискурса исследуют взаимодополнительность системы и жизненного мира. Он опирается на

коммуникативное действие и его моральные возможности: взаимопонимание и согласие.

Ю. Хабермас отмечает, что общество эпохи постмодерна представляет собой самоорганизующееся целое, на одной стороне которого находятся подсистемы экономики и бюрократизированного государственного управления, на другой – сферы семьи, соседства, свободных ассоциаций, общественных объединений. Современные общества достигают такой степени системной дифференциации, при которой элементы системы вступают во взаимодействие без посредничества жизненного мира. Тем не менее он остается подсистемой, определяющей состояние общества. Обладает не только функцией формирования контекста коммуникативного действия, но и является резервуаром, из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить интерпретации, пригодные для достижения консенсуса.

«Коммуникативными являются такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий, при этом достигнутое согласие измеряется intersubъективным признанием притязаний на значимость... Тройная связь между высказыванием и миром должна быть представлена в прямой интенции и в перспективе говорящего и слушающего... Общаясь друг с другом в перформативной установке, говорящий и слушатель участвуют в то же время в выполнении тех функций, благодаря которым воспроизводится общий для них жизненный мир. Коммуникативное действие ориентировано на достижение взаимопонимания в языке, через координацию усилий субъектов общения... Взятое в качестве функционального аспекта взаимопонимания, коммуникативное действие служит традиции и обновлению культурного знания; в аспекте координирования действия оно служит социальной интеракции и формированию солидарности; наконец, в аспекте социализации коммуникативное действие служит созданию личностной идентичности» [3, с. 41–42].

Философ предлагает междисциплинарную критическую теорию общества, в которой анализируются кризисы современности с помощью понятий *морального сознания и согласия*. Разрабатывается концепция коммуникативной рациональности средствами герменевтики. Критикуя логоцентризм западного мышления, Ю. Хабермас рассматривает коммуникацию как возможность «возвращения морали в жизненный мир человека», соединение «разума, нравственности, демократии».

Феноменологический анализ жизненного мира как субъективного переживания индивидов ученым дополняет описанием intersubъективных языковых структур. Язык и культура имеют для жизненного мира конститутивное значение. Участники коммуникации в такой мере пребывают в языке, что для них невозможно занятие трансцендентальной позиции по отношению к языку. «Нет ценностно нейтрального языка в понимающих

науках об обществе». Это же касается культурных образцов толкования мира, опосредованных языком. «Культурой я называю запас знаний, из которого участники взаимодействия для целей взаимопонимания черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию... Символические структуры жизненного мира воспроизводятся через сохранение и обновление знаний, стабилизацию групповой солидарности и формирование ответственных за свои действия акторов... Социальные системы рассматриваются с точки зрения их способности поддерживать собственные границы и продолжать свое существование, преодолевая сложность постоянно меняющегося окружения» [3, с. 44].

Одним из маркеров коммуникативного действия выступает достоинство человека как высший ранг ценности на службе интегративной концепции прав человека. Достоинство – это сейсмограф политической общности; это портал, через который эгалитарно-универсалистское содержание морали импортируется в право; это понятийный шарнир, который соединяет мораль равного уважения к каждому с демократическими правами деклараций [4]. Ученый ставит вопрос не только о прямой связи, но и об асимметрии достоинства личности и прав человека, которая более всего выражается в сфере реализации прав человека. Оксюморон «реалистическая утопия прав человека» увязывается им с «избыточной идеей справедливости» и возникающим из нее напряжением в политической и социальной реальности. В современном правовом поле понятие человеческого достоинства переносит содержание морали равноуважительного отношения к каждому на статусный порядок государственного гражданства. Самоуважение каждого из граждан возникает из того, что он признается другими в качестве субъекта права. Но ведь философы и прежде «не выстраивали никакого семантического моста к эгалитарному смыслу современного понятия достоинства» [4]. Уже в античности между понятиями *dignitas* и *persona* была установлена тесная связь, но о неприкосновенности достоинства отдельной личности как источника нормативных притязаний не было речи. Только в современном обществе к коллективной генерализации добавилась индивидуализация. Место ценностного возвышения человечества заняла абсолютная ценность личности и ее нравственного достоинства.

Определяя *рационализацию* как общественную тенденцию, которая, с одной стороны, способствует прогрессу общества, а с другой – формирует инструментальный разум, Ю. Хабермас утверждает, что перед всякой социальной теорией проблема рациональности встает одновременно в метатеоретической, методологической и эмпирической областях. Опираясь на теории социального действия (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс),

ученый трактует выявленную ими связь коммуникативного действия с общественной рационализацией и создает концепцию, в которой доказывает продуктивность *конструктивного диалога*, основанного на коммуникативной рациональности и рациональном консенсусе. Потенциал обновления усматривается здесь в преобразующей силе «культурного капитала», а также в налаживании диалога как непосредственной, «неискаженной, истинной коммуникации», тесно связанной с обыденным языком и независимой от власти. Философ различает имплицитный и эксплицитный варианты обеспечения притязания речевого акта на значимость. «Первый имеет место на уровне непосредственной, “наивной” коммуникации. Если же на этом уровне достичь согласия не удастся, то в качестве альтернативы прекращению коммуникации или инструментальному использованию языка (для силового воздействия на партнеров) выступает *дискурс* как способ проверки спорного притязания на значимость посредством приведения аргументов в процессе диалога, осуществляемый с целью достижения общезначимого согласия... Аргументация позволяет участникам коммуникативного процесса тематизировать спорные вопросы и разрешить или критиковать их с помощью соответствующих аргументов. Если рациональность отдельных индивидов полагается их способностью аргументировать собственные высказывания, то жизненный мир предстает как непроблематизируемое общее фоновое знание; может считаться рациональным в той мере, в какой он делает возможным взаимопонимание и согласие» [3, с. 65–66].

Существенным отличием концепции рациональности философа является то, что в нее органически включаются и синтезируются: отношение действующего лица к миру (*Aktor-Welt-Beziehung*); отношение его к другим людям; процессы «говорения», речи, выслушивания контрагентов действия. Понятие коммуникативного действия требует, чтобы действующие лица (*Aktoren*) были рассмотрены как говорящие и слушающие субъекты, которые связаны какими-либо отношениями с «объективным, социальным или субъективным миром», а одновременно выдвигают определенные притязания на значимость (*Geltungsansprüche*) того, о чем они говорят, думают, в чем они убеждены. Действующее лицо может выдвигать следующие претензии: его высказывание истинно (*wahr*), правильно (*richtig* – легитимно), или правдоподобно (*wahrhaft*). Дискурс по самому своему смыслу противоречит модели принуждения, кроме «принуждения» к убеждающей аргументации, и основывается на правилах: равноправие всех участников, запрет на принуждение в целях достижения согласия, мотивация на достижение аргументированного консенсуса.

Таким образом, «в дискурсах мы пытаемся заново произвести согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования... В дискурсе также осуществляется принуждение к кооперации. В дискурсной коммуникации господствует лишь

«ненасильственное принуждение» наилучшего аргумента. Аргументация трактуется как главный путь продолжения поиска согласия» [3, с. 176].

Библиографические ссылки

1. Ильенков, Э.В. Маркс и западный мир / Э.В. Ильенков // Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – С. 156–170.
2. Меринг, Ф. Карл Маркс. История его жизни / Ф. Меринг. – М. : Политиздат, 1990. – 559 с.
3. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
4. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.